

ФЕЛИКС
КРИВИН

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ
ВЕЧНОСТИ

Феликс Давидович Кривин
ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

М., «Советский писатель», 1985, 272 стр.
План выпуска 1986 г. № 79

Редактор *И. Ю. Козалева*
Худож. редактор *Е. И. Балашева*
Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*
Корректор *С. Б. Блауштейн*

ИБ № 5241

Сдано в набор 28.03.85. Подписано к печати
06.08.85. А 06491. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага
тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая
печать. Усл. печ. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,29.
Тираж 30 000 экз. Цена 95 коп.

Ордена Дружбы народов издательство «Советский
писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Отпечатано с матриц ордена Октябрьской Револю-
ции и ордена Трудового Красного Знамени
МПО «Первая Образцовая типография» имени
А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государ-
ственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, 113054, Москва,
Валовая, 28. Московская типография № 13 ПО
«Периодика» ВО «Союзполиграфпром» Государст-
венного комитета СССР по делам издательств, по-
лиграфии и книжной торговли, 107005, Москва,
Денисовский пер., 30. Заказ № 350

ФЕЛИКС
КРИВИН

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ВЕЧНОСТИ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ

МОСКВА СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ 1985

Кривин Ф. Д.

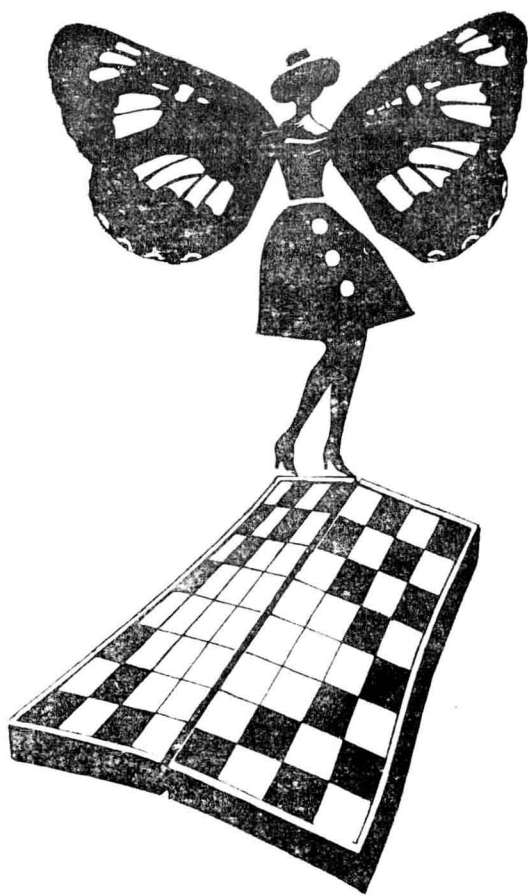
К 82 Изобретатель вечности: Повести, рассказы, очерки. — М.: Советский писатель, 1985. — 272 с.

Главная тема новой книги Феликса Кривина — человек и время. «В какое бы время мы ни жили, мы не должны думать, что история совершается без нас, — то, что происходит при нас, происходит при нашем участии», — утверждает автор в повести «Я угнал Машину Времени», построенной на материале второй мировой войны.

К $\frac{4702010200-269}{083(02)-85}$ 79—86

ББК 84.Р7

Художник **ВЛАДИМИР МУРАВЬЕВ**

ПОВЕСТИ

Я УГНАЛ МАШИНУ ВРЕМЕНИ

Глава первая

МИГ ОТЪЕЗДА, МИГ ПРИЕЗДА — ОДИН МИГ

Опять угнали Машину Времени. За последние пятьсот лет это преступление приобрело массовый характер, оставив позади угон спутников и космических кораблей; романтическое стремление познать иные миры не вызывает столь частого нарушения уголовного кодекса, как тяга в иные времена — будущие или прошедшие. Может быть, потому, что современность дана человеку от рождения, а прошлое и будущее приобретается нелегким опытом жизни. Что имеем, не храним. Что приобретаем, не храним. По-настоящему мы храним лишь то, чего не имеем.

Вот потому и не сидится людям в своем времени, им кажется, что самый золотой век где-то в прошлом или в будущем, а на их долю выпало самое неудачное время. Спору нет, бывают времена поприглядней, но если все устремится в эти лучшие времена, то в настоящем времени жить будет некому. А если никто не будет жить в настоящем, то никто не будет жить и в будущем. Поэтому подлинная забота о будущем — это забота о настоящем.

Что касается инспектора службы розыска Шмита, то он считает так: все эти прогулки в другие времена — от избалованности техническим прогрессом. Когда у человека не было выбора, когда для него и передвижение в пространстве было затруднительно, тогда он все больше на месте сидел: и своим временем дорожил, да и у других не отнимал времени. А так — мотайся за ними по всем векам...

И вот опять угнали Машину Времени...

Это случилось в разгар встречи Нового, 4119 года. Значит, преступник, если учесть технические возможности современных машин, мог попасть в годы: 1149, 1194, 1419, 1491, 1914, 1941; 4191, 4911, 9114, 9141 и 9411. Вот тут-то и есть над чем поразмыслить службе розыска.

Если угон совершен в самом начале года, значит, преступнику нужен был именно этот год, чтобы попасть в соответствующий год прошлого или будущего. Но в будущем годы все одинаковы, поэтому если преступник выбирает определенный пункт назначения, можно с уверенностью сказать, что искать его нужно в прошлом. Иногда преступник десятки лет ждет, когда пробьет час его преступления. Так было в 4113 году, когда француз Жан Морисьер угнал Машину в 1431 год, чтобы спасти от костра свою соотечественницу. Служба розыска настигла его в 3114 году, где он пытался выяснить у крупнейшего специалиста по истории Франции Жюля Крюшона (3037—3179), не пострадает ли история Франции, если Жанна д'Арк не будет казнена. Так было и в 3992 году, когда земляк великого Капабланки отправился в 2399 год, чтобы сыграть в шахматы с великим Алехиным — не тем великим Алехиным (1892—1946), а другим великим Алехиным (2321—2399)... Земляк Капабланки проиграл, конечно, Алехину, как когда-то сам Капабланка проиграл его однофамильцу.

А буквально в прошлом, 4118 году русский поэт Коростылев угнал Машину в 1841 год, чтобы драться на дуэли вместо своего любимого Лермонтова. Служба розыска не проявила достаточной оперативности, и Коростылев успел попасть в нужный ему год и даже подраться на дуэли, правда, не вместо Лермонтова, а вместо другого офицера, которого он второпях принял за Лермонтова. Впоследствии, вернувшись в свое время, он издал поэму «Наедине с Мартыновым», в которой довольно точно описал,— конечно, не Мартынова, а другого офицера.

Больше всего бродит по дорогам времени отпускников. Когда-то человеку давали месячный отпуск, и этот месяц был, в сущности, потерянным временем. Сейчас вместо отпуска человеку дают Машину Времени, которая отвозит его в какое-нибудь благоприятное время для отдыха и возвращает на исходную временную точку. Служивцы и глазом не успеют моргнуть, а он уже здесь, вернулся из отпуска. Только и заметят, что он внезапно изменился: поздоровел, загорел.

Сложнее обстоит дело с командировками. Есть немало любителей за счет командировки позагорать на морском берегу, провести в командировке не день, а год — чужого времени учесть невозможно. Отдельные ловкачи

проводят в другом времени чуть ли не всю жизнь. Живет человек со своей семьей, никуда вроде не отлучается. Только вдруг начинает быстро стареть. По документам ему тридцать три, а на вид — все девяносто. Он, разумеется, и прожил девяносто, только не здесь, а в другом времени. Здесь он еще молодой отец, а где-то — прадедушка. Говорят, такие вещи и раньше бывали, но тогда человек просто менял семью, а теперь он меняет время.

Инспектор Шмит всю жизнь только и делает, что мотается по командировкам, но, как человек дисциплинированный, всегда возвращается своевременно — в ту секунду, из которой отбыл. И лишь однажды, лет пятьдесят назад, он вернулся из командировки через час после отбытия. Он ездил тогда в 1379 год и на обратном пути не нашел нужную секунду. С тех пор его жена уверена, что в 1379 году у мужа ее кто-то есть. Первые десятилетия после этой злосчастной поездки инспектор пытался ее разубеждать, рисуя дикие нравы этого года и очерняя его красавиц, которые ему и вправду пришлось не по душе. Еще он объяснял жене, что в 1379 год, куда он ездил в 3971-м, в следующий раз он мог бы попасть не раньше, чем через три тысячи лет, однако и это обстоятельство жену не убедило. Она по-прежнему не доверяет этому году и старательно вычитывает о нем все самое худшее, что может найти в исторической литературе.

— Через секунду я вернусь, дорогая!

Инспектор целует жену, и она успокаивается. Она всегда успокаивается, когда муж ее целует, а когда он ее не целует, она начинает беспокоиться, даже если он никуда не собирается уезжать. Таковы женщины, думает инспектор Шмит и, вздохнув, обобщает эту житейскую мысль: а может быть, таковы и мужчины...

МАШИНА ВРЕМЕНИ

(Историческая справка)

Задолго до того как Машина Времени вошла в повседневный быт, она уже устарела в научно-фантастической литературе. Поэтому когда она была в самом деле изобретена, к ней отнеслись без всякого уважения. Ее великий изобретатель Антуан Шерль (3172—3299)

десять лет пытался доказать, что опубликованное им описание Машины — не художественный вымысел, а серьезный научный труд, но ему никого не удавалось убедить, так как фантасты во все времена выдавали вымысел за достоверность.

Антуан Шерль, часовщик по профессии, заинтересовался проблемой времени больше, чем того требовала его основная работа. Сходство в устройстве часов и спидометра натолкнуло его на мысль о связи между временем и пространством. А поскольку передвижение в пространстве было человеком давно освоено, оставалось найти для него соответствующий временной аналог, чем он и занялся в часы, свободные от основной работы.

Замечательный мастер своего дела, он стал мастером еще одного дела, не своего, — заняв почетное место в ряду Великих Мастеров Не Своего Дела. Юристы Франсуа Виет (1540—1603) и Пьер Ферма (1601—1665), сделавшие большие открытия в математике, музыкант Гершель (1738—1822), открывший планету Уран, коммерсант Шлиман (1822—1890), раскопавший Трою, телеграфист Эдисон (1847—1931), врач Чехов (1860—1904), кинорежиссер Конрад Штюмпф (2739—2951), увеличивший скорость света для быстрееи связи с внеземными цивилизациями, — всё это были Мастера Не Своего Дела, но дела, особенно пригодившегося человечеству. Никто не знает, как играл актер Шекспир, но как он писал, это известно каждому.

Машина Времени Антуана Шерля на десять лет потонула в океане научной и псевдонаучной фантастики, но по прошествии этого времени ей удалось всплыть и предъявить свои права на реальность. Вначале ее использовали для получения проб различных времен, исследования временных пластов с неглубоким залеганием, а также на других вспомогательных работах. Тем временем изобретатель Машины продолжал ремонтировать часы, не без основания полагая, что путешествия в иные времена невозможны без точного знания своего времени. Незадолго до смерти он написал завещание, в котором просил перевезти его тело для захоронения на его временную родину — в 3172 год, дабы он мог сам присматривать за своей могилой. Воля умирающего, однако, не была исполнена, — чтоб не омрачать жизнь живого Антуана и не отвлекать его от изобретения Машины Времени, необходимой не мертвым, а живым.

ПЕРЕЛЕТ СО СКОРОСТЬЮ 500 ЛЕТ В ЧАС

Расстояние в три тысячи лет было покрыто за шесть часов — такова скорость служебной Машины Времени. Инспектор начал с самой отдаленной точки, чтобы отрезать преступнику пути к отступлению.

1149 год... Король французский Людовик VII и император германский Конрад III привели к бесславному завершению второй крестовый поход, потеряв в нем свое миллионное войско. В Риме антипапское восстание под руководством Арнольда Брешианского реставрировало республику и готовилось к реставрации монархии и сожжению своего вождя. Население византийского острова Корфу, восставшее против императора Мануила, отдало свой остров норманнам, попав, по словам летописца, из дыма податей в пламя рабства.

Может быть, угнавший Машину Времени хотел поспеть к окончанию крестового похода? Чтобы помочь своим просвещенным советом разгромленным королю и императору? Три тысячи лет истории просветят кого угодно, и, если вернуться в древность, можно в ней выгодно отличиться. В сорок втором веке еще встречаются любители показывать свою просвещенность там, где ее легче показать. В своем-то веке они не блещут, вот и забираются куда-нибудь вглубь, удивляют непросвещенный народ своими просвещенными фокусами.

Как будто в нашем сорок втором веке нет своих нерешенных проблем. Но кому их решать, если одни живут прошлым, другие — будущим? Прежде люди так не мотались по временам, у них было только два средства передвижения: для поездок в будущее — мечта и для поездок в прошлое — память. Теперь же у них — ни памяти, ни мечты: все заменила Машина Времени.

Инспектор Шмит предпочитает старые средства передвижения, поэтому о нем говорят, что он морально устарел. Стоит человеку задержаться на какой-нибудь ступеньке морали — и уже он морально устарел. Так устаревающая мораль машин переносится на нестареющую мораль человека. Машина пересоздает человека по своему образу и подобию.

Но инспектора ей пересоздать не удастся. Как человек старой школы, он вообще не особенно доверяет тех-

нике, а больше полагается на работу мысли. Во-первых, потому, что техника часто ломается, а во-вторых, даже исправная, она не может заменить человека, если у человека голова на плечах. Инспектор и дома, в семейной жизни, пытается избегать модных технических усовершенствований и даже отказался от услуг механического воспитателя «ЭВ-Песталоцци».

Приземлившись на заднем дворе резиденции герцога Швабского, которому предстояло через три года стать императором Барбароссой, инспектор облачился в костюм астролога и направился в замок, где герцог занимался своим обычным делом — принимал гостей. На столе громоздился жареный бык, раздираемый на куски лоснящимися от жира руками, а рядом на вертеле жарился второй бык.

Герцог восседал во главе стола, и по левую его руку была красавица азиатка, привезенная им, вероятно, из злосчастливого похода, а по правую — молодой человек, показавшийся инспектору подозрительным, потому что он что-то шептал герцогу, возможно подбивая его на третий (1189—1192) крестовый поход, а возможно, наоборот, отговаривая...

Бык, громоздившийся на столе, худел буквально на глазах, как можно худеть лишь от длительной голодовки. Но, конечно, здесь не было голодовки. Гости работали челюстями вдвойне: перемалывая пищу и последние политические новости и совмещая таким образом трудносовместимые интересы.

Красавица азиатка смеялась: герцог был еще молод, и он совершил такой далекий поход, чтобы привезти ее, красавицу азиатку. Она что-то говорила на своем непонятном языке, но понимать ее было вовсе не обязательно, ничего существенного она говорить не могла. И герцог не слушал ее, а лишь рассеянно похлопывал по спине и время от времени целовал, — впрочем, с меньшей страстью, чем спустя тридцать лет целовал туфлю папы Александра III, заглаживая перед ним свою многолетнюю вину.

Появление астролога никого не заинтересовало — мало ли их бродило по дорогам в тот век? Только собеседник герцога бросил на астролога быстрый взгляд, словно угадав за его безобидной внешностью весьма обидное и даже опасное для себя содержание.

— Ваша светлость, не соблаговолите ли выслушать ученого человека, который, руководствуясь указанием звезд, предскажет течение вашей жизни?

— Пошел вон! — ответил герцог в средневековой манере. — Киньте ему кусок мяса.

— Спасибо, ваша светлость, я сыт.

Этот ответ озадачил герцога: среди своих гостей ему еще не приходилось видеть сытого человека.

— В таком случае пусть проваливает, — вмешался в разговор его собеседник. — Мало нам Арнольда и всей его ученой компании? У нас палкой кинь — попадешь в ученого.

Сидящие поблизости гости захохотали, и кто-то из них крикнул:

— Жертвую на ученого пятьсот палок!

— Молчать! — водворил тишину герцог. — Я разрешил астрологу говорить. Мне интересно знать, что обо мне думают звезды. — Он не сомневался, что звезды о нем думают.

То, что для герцога было таинственным будущим, для человека из пятого тысячелетия было хорошо известным и даже изрядно забытым прошлым, и он, напрягая память, стал его излагать:

— Звезды утверждают, что через три года вы, ваша светлость, станете вашим величеством, императором германских земель. Вы завоюете много стран, потом потеряете много стран и закончите свою жизнь на дне азиатской речушки.

— Азиатской речушки? — герцог отодвинулся от крапивы. — Ты что мелешь? Да я тебя за такие слова!

— Ваша светлость, я говорю правду.

— Правду! — зал так и ахнул. — Вы слышали? Он говорит правду!

Здесь никто не говорил правды: этого не позволял этикет.

— Нет, ты все-таки скажи: с какой стати меня опять понесет в Азию?

— Это будет в третьем крестовом походе.

Герцог расхохотался:

— Ну, насчет третьего похода твои звезды совсем заврались, хватит с меня второго крестового похода.

— Зачем же вы тогда его предпринимали?

— Соблазнила романтика первого: Готфрид Бульонский, Раймонд Тулузский... Но теперь я знаю, что это за

романтика, на собственной шкуре испытал. Больше меня не втянешь в такие дела, уж я себя знаю!

Если б он знал себя так, как его впоследствии узнала история!

— А Милан? Может, вы и Милан не разрушите, не сровняете с землей?

— Зачем? Прекрасный город, стоит полторы тысячи лет, с какой стати я стану его разрушать, за кого ты меня принимаешь? — Герцог покачал головой: — Ну и наговорили тебе про меня эти звезды. Я человек совсем не такой.

— Не такой, пока не стали императором.

— Лучше пусть я никогда не стану императором, — сказал будущий император Фридрих Барбаросса, — лучше пусть я навсегда останусь герцогом, чем ввяжусь хоть в какую-нибудь войну. Мы, люди, знающие, что такое война, предпочитаем жить в мире. И вообще я противник войны.

Да, он был противник войны, он вынашивал совсем не те планы, которые ему впоследствии пришлось осуществить. Иногда жизнь человека складывается неожиданно для него самого, но он не замечает этого, потому что всякий раз смотрит на нее другими глазами.

— А если что случится, — сказал Барбаросса, — если с Миланом что-то случится, то... там виднее... — он поднял глаза вверх, к всезнающим звездам.

— Ну, тогда пропадай, как собака! — откровенно высказался инспектор, но тотчас спохватился, что выбрал неудачное время и место для откровенности: — Извините, ваша светлость... Звезды подсказывают, что закончите вы свой жизненный путь в год Собаки...

Глава третья

ЯН — 1941

Я угнал Машину Времени.

Я не преступник, я историк. Моя тема — движение Сопротивления в период второй мировой войны. Роясь в архивах, я обнаружил маленький отряд, действовавший в Восточных Карпатах. Сведения об этом отряде были скудные: несколько строк в донесении гестапо высшему командованию, сбивчивые и подчас противоречивые рассказы очевидцев, пересказанные третьими

лицами. Точной была дата ликвидации отряда: 9 сентября 1941 года.

По-видимому, отряд состоял из пяти человек. Есть указания и на то, что их было шестеро, но это менее вероятно: в донесении гестапо (гитлеровской полиции) сказано, что отряд состоял из четырех мужчин и одной женщины. Но в других материалах почему-то названы два женских имени: Марыся и Анна. Вероятно, здесь какая-то путаница, вызванная, может быть, тем, что отряд носил название «Анна». Слишком необычное название для отряда, поэтому его, возможно, сочли за имя участницы. Из мужчин названы Стась и Збышек, остальные ни разу не упомянуты. Особый интерес представляет фотокопия письма, вернее, трех его строчек (самого письма не удалось отыскать): «...ДО ПОСЛЕДНЕГО СВОЕГО ЧАСА ОНА НЕ МОГЛА ПОВЕРИТЬ, ЧТО ИХ ПРЕДАЛ ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ОНИ СЧИТАЛИ СВОИМ, А ГЛАВНОЕ — ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ОНА...» По всей вероятности, отряд предал один из его членов. Правда, профессор Посмыш считает, что из письма не ясно, идет ли речь о членах отряда или о людях, каким-то образом с ним связанных. «ОНА», говорит профессор, может быть, просто женщина, узнавшая о предательстве близкого ей человека («ИХ ПРЕДАЛ» вовсе не означает, что и ее в том числе). И человек, говорит профессор, которого считают в отряде своим, вовсе не обязательно член этого отряда.

Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, поэтому я и угнал Машину Времени. Доказательство некорректное, но до корректности ли, когда на носу защита? Человек — хозяин времени и должен вести себя, как хозяин. Это в прошлом, в далеком прошлом человек был бессилен перед временем, а сейчас...

Мы праздновали Новый год. Острили по поводу уходящего года, в честь наступающего провозглашали пышные тосты. В разгар праздника ко мне подошел профессор Посмыш и, с присущим ему юмором, преподнес мне книгу «Теория множеств» с многозначительной надписью: «Янек, это как раз то, чего вам не хватало!» Потом я танцевал с Наташей, самой красивой аспиранткой нашей кафедры, потом спорил с Коткевичем о древности цивилизации в каком-то, уж не помню в каком, созвездии (глупо, конечно: Коткевич специалист по истории звездных цивилизаций), потом я опять танцевал с

Наташей, а потом... Потом я угнал Машину Времени.

В архивных материалах сохранилась самодельная карта, по которой прослеживается путь отряда. В начале пути стоит дата — 21 августа. Вероятно, в этот день произошло какое-то событие, какая-то важная операция или стычка с врагом. Мне эта дата помогла прибыть в место нахождения отряда, иначе бы я его не нашел. Сколько раз я прошел этот путь, — правда, позже на два тысячелетия, но я не думал, что он может быть таким трудным.

По этому пути я иду. Высадившись на расстоянии более чем двух тысяч лет от родного дома, я иду по древним карпатским лесам... Из литературы я знаю, что были когда-то на земле скопления диких деревьев, а также дикие животные, обитавшие не в заповедниках, а в неохраемых местах, где их жизнь подвергалась постоянной опасности. Если б за ними своевременно не установили надзор, они бы вымерли, как вымерли в свое время лисицы. О лисицах я читал прекрасную книгу Франсуа Леберье «Ископаемое пламя». Он назвал свою книгу так, потому что лисицы были цвета пламени.

Вдалеке слышатся выстрелы. Идет война. Странно сознавать, что где-то рядом идет война, хотя все войны кончились за две тысячи лет до твоего рождения. Тяжелые сапоги, брюки, почти не сгибающиеся в шаг, и тяжелая сумка через плечо — таков мой вид, понятный людям этого времени.

Вторая мировая война по своим масштабам превосходит все, что до нее знала история. Если бы в Троянской войне приняло участие все население земного шара, включая женщин, стариков и детей, а также население не открытых еще континентов, и если бы половина всего этого населения была уничтожена, а вторая искалечена, то это равнялось бы количеству жертв второй мировой войны. Если бы вандалы, сокрушившие великую Римскую империю, обнесли ее колючей проволокой и уничтожили всех ее жителей, то это равнялось бы количеству убитых фашистами в лагерях смерти. И если бы на каждого узника фашистских концлагерей приходился всего один метр колючей проволоки, то всей этой проволокой можно было бы трижды опоясать по экватору земной шар. Ни у одного рабовладельческого государства не было стольких рабов, как у цивилизованной Германии середины двадцатого века.

Я чувствую, как мной начинает овладевать какое-то незнакомое ощущение, и догадываюсь, что это, возможно, страх. У нас я его не знал, значит, чувство это рождается обстановкой. Но ведь люди, которые жили в этой обстановке и воевали в этих лесах, тоже не знали страха. И ведь они не могли из своего страшного века бежать, они, как к галере, были прикованы к своему времени. Значит, обстановка может и не рождать страх... Тогда что же все-таки его порождает?

— Стой!

Я останавливаюсь. Он подходит ко мне, волоча за собой винтовку.

— Кто такой?

Лет ему, наверно, не больше семнадцати. Видимо зная за собой этот грех, он старается говорить по-взрослому строго.

Я отвечаю, что я учитель из Люблина. На всякий случай выбираю город подальше, во избежание неожиданных земляков. Но тогда что я делаю здесь, в карпатском лесу? На этот вопрос я отвечаю со всей прямоотой:

— Ишу Стася. Или Збышека.

Иногда приходится говорить правду. Чтобы ложь выглядела убедительней.

— Збышека? — он по-настоящему поражен, но тут же говорит с безразличием, в котором сквозит плохо скрытая гордость: — Збышек — это я. Что дальше?

— Я пришел к вам в отряд.

— Откуда ты знаешь об отряде?

И тут мне пригодилось более широкое знание материала, чего от меня всегда добивался профессор Пошмыш:

— Мне сказал один человек из отряда Мариана. Он шел к вам, но не дошел, его ранило при бомбежке, и он умер у меня на руках.

Збышек задумчиво смотрит на меня, решая трудную задачу: верить или не верить? С одной стороны, чужой человек из Люблина, оказавшийся вдруг в карпатском лесу, но, с другой стороны, раз я знаю его, Збышека, значит, я не такой уж чужой человек.

Но не так-то просто поверить человеку. Особенно в те времена.

— Знаю я вашего брата учителя. — Видно, еще свежи у него школьные обиды.

Впрочем, смотрит он на меня без вражды и даже, можно сказать, с симпатией. Наверно, ему приятно, что я уже знал о нем, когда он обо мне и не слышал. Он говорит, что я могу дожидаться Стася, это даже необходимо, чтоб мы с ним встретились. Но тут же предупреждает, чтоб я не воображал, будто он мне поверил.

Из-за деревьев вышла девушка. Таких девушек я еще не видел. Могу ручаться, что у нас таких нет.

— Принимай гостя,—сказал ей Збышек, не без удовольствия пользуясь правом отдавать приказания.— Покорми. Чаем напои. Там разберемся.

В нашем времени еще утро, а здесь уже день. Разница часов пять, как между Люблином и Тобольском. Мы углубляемся в чащу и останавливаемся перед входом в землянку. В словаре устаревших слов Окаяцу сказано, что землянка—это вырытое в земле помещение, служившее одновременно и укрытием, и жилищем. В спокойное время люди возводили дворцы, а в тревожное зарывались в землю. Землянка—это дворец тревожного военного времени.

Стол, две-три колоды, заменяющие стулья, несколько лежанок у стен—вот и вся обстановка землянки. Все очень старое, сохранившееся, быть может, с прошлой войны.

Я сажусь на колоду, девушка наливает мне в кружку кипяток.

— Меня зовут Ян.

— А меня Анна.

— Не Марыся?

— Почему Марыся?

Не так-то просто ей объяснить, почему.

— Мне казалось, что в таком отряде, как ваш, девушку должны звать Марысей.

Анна кладет передо мной три картофелины—популярную еду тех времен.

— Так вы учитель? Я тоже хотела стать учительницей, только война помешала. Кончится война—обязательно стану учительницей.

Кипяток из моей кружки выплескивается на стол. Для нее война никогда не кончится, а еще верней—кончится очень скоро. Ей жить еще восемнадцать дней, до 9 сентября. Сегодня 21 августа.

— Что с вами?